

Он не смог выучить оригинальный роман наизусть, но, только что закончив читать, помнил сюжет очень хорошо. В книге описывалось, что отец Шэнь, хотя внешне казался человеком, который всегда старался сгладить конфликты, на самом деле был скрытным и коварным, играя в паре с матерью Шэнь, которая выступала в роли строгой, они вместе манипулировали Шэнь Цинчи, заставляя его крутиться как белка в колесе.

Если подобрать подходящую метафору, эта пара была как две собаки: та, что лает, не кусается, а та, что кусается, не лает.

В этот момент «лающая собака» кричала, размахивая руками и брызгая слюной, даже толкнула его за плечо:

— Шэнь Цинчи, ты опозорил меня! У меня нет такого сына!

Шэнь Цинчи, получив этот толчок, пошатнулся и упал на пол.

Мать Шэнь, похоже, не ожидала, что сможет так легко сбить с ног подростка, и на мгновение замерла, но затем снова разразилась ещё более громкой руганью:

— Ты специально это делаешь, да? Ты продолжаешь притворяться! Шэнь Цинчи, я растила тебя восемнадцать лет, и это всё, что ты можешь мне предложить? Я учила тебя быть вежливым, разве не для твоего же блага? И в итоге ты так со мной поступаешь? Бессердечный, настоящий неблагодарный!

Шэнь Цинчи опустил голову, половина его лица скрылась в тени волос, и выражение его лица было невозможно разглядеть.

Этот эпизод он помнил отчётливо.

Если он не ошибался, он попал в момент, когда настоящий молодой господин — главный герой Чжоу Ванъянь — был привезён в дом Шэнь.

Отец и мать Шэнь, потратив два года на поиски, наконец нашли своего потерянного сына, и, естественно, устроили для него торжественный приём. А Шэнь Цинчи, которого они воспитывали восемнадцать лет и который теперь стал приёмным сыном, только из-за того, что не поприветствовал Чжоу Ванъяня при входе, подвергся унижительной ругани и даже физическому насилию со стороны матери.

Мать Шэнь называла его бессердечным, неблагодарным, хотя на самом деле оригинальный Шэнь Цинчи никогда не делал ничего плохого своим приёмным родителям. Напротив, они, ухватившись за малейшую ошибку, не давали ему спуска, словно он был воплощением зла, унижали его до последнего, а затем добавляли: «Я делаю это для твоего же блага».

Видно, что положение Шэнь Цинчи в этой семье уже достигло дна. Даже слуги могли получить улыбку от родителей Шэнь, а к приёмному сыну они относились только с холодностью и упрёками.

Но ведь Шэнь Цинчи не был родным.

Больше десяти лет заботы и материнской любви оказались просто шуткой.

Шэнь Цинчи прекрасно понимал, насколько ухудшилось положение оригинального Шэнь Цинчи после того, как Чжоу Ванъянь поселился в доме Шэнь. Если он не хочет повторить

судьбу оригинала, он должен немедленно бежать из этого дома.

Именно сегодня вечером.

Если он не уйдёт сегодня, возможно, у него больше не будет шанса. Он окажется заперт в этой золотой, но всё же клетке дома Шэнь, вынужденный отдать всё ради настоящего молодого господина, и в конечном итоге умрёт от депрессии.

Его мысли метались, как молнии, и в этот момент со стороны двери раздались шаги, и низкий голос лениво произнёс:

— Я пришёл не вовремя? Но, похоже, попал на интересное представление.

Голос звучал с лёгкой насмешкой:

— Столько людей, объединившихся, чтобы притеснить одного ребёнка, — это по-настоящему благородно.

Услышав этот голос, точнее, эту реплику, Шэнь Цинчи оживился.

Хотя он стоял спиной к двери и не видел лица вошедшего, по этим нескольким словам он уже определил, кто это.

Шэнь Фан.

Младший дядя Шэнь Цинчи, не связанный с ним кровными узами, младший брат отца Шэнь, а также главный антагонист романа.

Конечно, этот «антагонист» был таковым по отношению к Чжоу Ванъяню. Для Шэнь Цинчи всё, что делал Шэнь Фан, было скорее справедливым возмездием. Из всех персонажей романа, кроме «фальшивого молодого господина» Шэнь Цинчи, ему нравился только этот антагонист — Шэнь Фан.

Шэнь Фан внешне казался свободным, распушенным и легкомысленным, словно он был просто старшим бездельником, который ничего не понимал и только наслаждался жизнью, совершенно не интересуясь борьбой за наследство. Но на самом деле всё это было лишь маской.

Настоящий Шэнь Фан скрывал свои истинные намерения более десяти лет, не действуя до последнего момента, но когда он, наконец, начал действовать, он буквально перевернул весь дом Шэнь с ног на голову. Его методы были решительными и беспощадными, и в итоге он отправил родителей Шэнь в тюрьму, а всё огромное наследство семьи Шэнь оказалось в его руках.

Когда Шэнь Цинчи читал роман до этого момента, он испытывал настоящее удовлетворение. Но дальнейшее развитие сюжета его шокировало — автор, чтобы подчеркнуть крутизну главного героя Чжоу Ванъяня, буквально «отупил» Шэнь Фана, написав, что тот, из-за якобы существующей между ним и Чжоу Ванъянем дядинской привязанности, попал в примитивную ловушку своего племянника и был заколот им!

Что за чушь!

Шэнь Фан отправил своего родного брата в тюрьму, даже не моргнув глазом, и вдруг он стал

заботиться о какой-то мнимой дядинской привязанности?

И ещё таким примитивным способом, как «заколоть».

О, он чуть не забыл, что Чжоу Ванъянь, главный герой, полный пороков и преступлений, не только заточил, мучил и довёл до смерти «Шэнь Цинчи», подделал его документы и поступил в университет вместо него, но ещё и убил собственного дядю.

Когда Шэнь Цинчи читал, как Шэнь Фан был заколот Чжоу Ванъянем, он чуть не засмеялся от злости. Он предположил, что автор сделал Шэнь Фана слишком сильным, а потом не смог придумать, как его победить, и поэтому решил, что главный герой просто «заколет» его, чтобы убрать с пути.

И самое странное, что в комментариях к этому эпизоду никто не ругал автора за «отупление» персонажа, а все только радовались, что «он умер».

Теперь, вспоминая это, он понял, что все несогласные, как и он, вероятно, были забанены или удалены.

Возможно, из-за того, что Шэнь Фан наказал приёмных родителей Шэнь Цинчи, или из-за того, что его смерть была слишком несправедливой и жалкой, но Шэнь Цинчи испытывал к этому персонажу большую симпатию. И почти в тот же момент, когда Шэнь Фан появился, он уже принял решение.

Низкий, расслабленный голос снова заговорил:

— Думаю, старший брат пригласил меня на этот приём не для того, чтобы показать, как вы ссоритесь.

— А, Сяо Фан, это... ты неправильно понял, — мать Шэнь наконец убрала свою язвительность и сменила выражение лица на улыбку, — Цинчи просто случайно...

— Мама не специально толкнула меня, — тихо произнёс Шэнь Цинчи, его юношеский голос был особенно ясен.

Он сам поднялся с пола, слегка коснувшись уголка глаза, чтобы стереть слезу, которая осталась незамеченной.

На лице матери Шэнь промелькнула тень смущения.

— Я слишком непослушный, всегда злю её, — Шэнь Цинчи опустил голову, продолжая говорить, его голос слегка дрожал, — Я слишком мелочный, завидую брату Ванъяню, поэтому специально не поприветствовал его, и теперь дядя увидел это.

Он повернулся к Чжоу Ванъяню:

— Брат Ванъянь, прости меня, я не должен был быть таким холодным с тобой. Надеюсь, ты простишь мою невежливость. И... добро пожаловать домой.

Чжоу Ванъянь фыркнул, его лицо, совершенно непохожее на лицо Шэнь Цинчи, выражало открытое пренебрежение.

— ...Эх, Цинчи, что ты говоришь, ничего страшного, — отец Шэнь заговорил с улыбкой, — Все дети иногда ссорятся, это нормально. В доме вдруг появился ещё один человек, Цинчи просто

нужно привыкнуть. Ничего страшного, Цинчи, ты старший брат, постарайся быть терпимее, хорошо?

Шэнь Цинчи покорно кивнул.

Шэнь Фан стоял в стороне, скрестив руки, с интересом наблюдая за этой парой, которая лишь внешне казалась дружной. Его взгляд скользнул по лицу Шэнь Цинчи, и он увидел, что этот изящный и красивый юноша с покрасневшими глазами и слегка влажными веками, казалось, изо всех сил сдерживал слёзы.

Как будто обиженный кролик.

Заметив его взгляд, Шэнь Цинчи тоже посмотрел на него, осторожно взглянув.

Точно... как в романе!

Внешность Шэнь Фана казалась моложе его реального возраста, но при этом он обладал мужской красотой зрелого человека. Его губы всегда были слегка приподняты в улыбке, и когда он смотрел на людей своим рассеянным взглядом, в нём чувствовалась лень, словно он был в стороне от всего происходящего.

Однако шрам на его левой брови нарушал это впечатление. Шрам шёл от брови до внешнего уголка глаза, и когда он улыбался, это было не так заметно, но когда он переставал улыбаться, в его взгляде появлялась холодная строгость, которая не допускала никакого неповиновения.

Переведены имена собственные согласно глоссарию: Чжоу Ванъянь, Шэнь Фан, Шэнь Цинчи. Исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, оформлена прямая речь согласно требованиям (длинное тире, каждая реплика с новой строки). Удалены лишние разрывы строк. Сохранены авторские описания мыслей и метафоры.

<http://bllate.org/book/16296/1469418>